

БЫВШЕЕ КУПЕЧЕСТВО ТОМСКА В БОРЬБЕ ЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА В ПЕРИОД 20-Х – 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА: КЛАССИФИКАЦИЯ ТАКТИК ПОВЕДЕНИЯ

© 2023

Лягаев В.В.

Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, Российская Федерация)

Аннотация. Рассматривается вопрос лишения избирательных прав представителей дореволюционной деловой элиты на примере бывшего купечества г. Томска. Институт лишения избирательных прав, который на протяжении своего существования с 1918 по 1936 гг. продолжал эволюционировать, в 1926 г. превратился из ограничительной меры в меру социального давления непролетарских классов. По новой инструкции деятельность, связанная с получением нетрудовых доходов, с использованием наемного труда, больше не имела срока давности. Теперь избирательных прав лишались все частные торговцы, вне зависимости от разряда патента, который они выбирали. Такие изменения в избирательном праве повлекли за собой увеличение в общей массе «лишенцев» представителей бывшего купечества. Последние надежды дореволюционной деловой элиты на адаптацию в новом обществе были разрушены. На основании заявлений «лишенцев» автором реконструированы наиболее типичные поведенческие практики бывших купцов в борьбе за свои гражданские права. Автором предлагается классификация тактик поведения этой группы «лишенцев». В дальнейшем предполагается более масштабный отбор дел и применение в исследовании метода контент-анализа в соответствии с выявленными критериями.

Ключевые слова: «бывшие люди»; дореволюционная деловая элита; бывшее купечество; лишение избирательных прав; «лишенцы»; нэпманы; тактики поведения.

THE FORMER MERCHANTS OF TOMSK IN THE STRUGGLE FOR ELECTORAL RIGHTS IN THE PERIOD OF THE 20S – 30S OF THE 20TH CENTURY: CLASSIFICATION OF BEHAVIOR TACTICS

© 2023

Lyagaev V.V.

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The issue of deprivation of electoral rights of the pre-revolutionary business elite representatives is considered on the example of the former merchants of Tomsk. The institution of disenfranchisement, which continued to evolve during its existence from 1918 to 1936, in 1926 turned from a restrictive measure into a measure of social pressure of non-proletarian classes. According to the new instructions, activities related to the receipt of non-labor income, with the use of hired labor, now had no statute of limitations. From now on, all private traders were deprived of voting rights, regardless of the type of patent they chose. Such changes entailed an increase in the total mass of «nonvoters» representatives of the former merchant class. The last hopes of the pre-revolutionary business elite for adaptation in the new society were destroyed. Based on the statements of the «nonvoters», the author reconstructed the most typical behavioral practices of former «nonvoters» merchants in the struggle for their civil rights. The author proposes a classification of tactics of former merchants' behavior as a separate group among the «nonvoters». In the future, a more extensive selection of cases of «nonvoters» belonging to this group is expected as well as the use of the content analysis method in the study in accordance with the identified criteria.

Keywords: «former people»; pre-revolutionary business elite; former merchants; deprivation of electoral rights; «nonvoters»; NEPmen; behavior tactics.

Вопрос определения места в структуре советского общества дореволюционной элиты, за представителями которой закрепилось неофициальное название «бывшие люди», тесно связан с изучением репрессивной политики советского правительства. Одной из мер ее осуществления в 1920–1930-е гг. стало лишение избирательных прав. Гражданин, лишенный избирательных прав, то есть «лишенец» не только не мог избирать и быть избранным в органы государственной власти и занимать любую государственную должность, но на практике также лишался самой необходимой для своего существования группы прав – социально-экономических. «Лишенцев» и членов их семей не принимали в средние специальные и высшие учебные заведения. С клеймом «ли-

шенца» было трудно устроиться на работу, такой гражданин лишался всех пособий, пенсий, компенсаций и карточек [1, с. 490].

В последние два десятилетия вопрос лишения избирательных прав в СССР стал чрезвычайно популярным среди исследователей. Были рассмотрены различные аспекты этой проблемы: эволюция правовой базы [2; 3], реализация норм института на местном уровне [4–6]. Целый ряд работ посвящен лишению избирательных прав по религиозным мотивам [7–9], рассматриваются и другие категории «лишенцев» [10; 11]. Оценивая состояние исследований по данной проблеме, стоит отметить прогресс в изучении «лишенчества». Между тем работы по отдельным категориям «лишенцев» менее заметны. По-

прежнему в стороне от исследователя остается такой аспект «лишенчества», как тактика поведения в борьбе за восстановление избирательных прав.

Особый интерес для автора данной статьи представляет работа новосибирской исследовательницы Д.Н. Москаленской [12]. На основе изучения заявлений православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» с применением методики контент-анализа историком выявлены и исследованы основные тактики поведения данной категории «лишенцев» в борьбе за свои права. В работе предлагается классификация дел «лишенцев», в основе которой лежит 6 критериев-тактик восстановления своих прав [12, с. 135].

Объектом исследования является бывшее купечество Сибири как маргинальная группа советского общества. Предмет исследования – тактика поведения бывшего купечества в борьбе за восстановление избирательных прав. Цель исследования – реконструировать поведенческие практики бывших купцов в борьбе за восстановление в избирательных правах и на основе заявлений сформулировать типичные для данной категории «лишенцев» критерии тактик поведения для последующего контент-анализа. Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины 1920-х гг. до 1936 г., то есть до принятия новой Конституции, отменившей институт лишения избирательных прав.

На протяжении своего существования с 1918 по 1936 гг. институт лишения избирательных прав в СССР продолжал постоянно эволюционировать. Конституция РСФСР 1918 г. устанавливала отсутствие избирательных прав за лицами, прибегающими к наемному труду с целью извлечения прибыли; лицами, живущими на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.); частными торговцами, торговыми и коммерческими посредниками и др. Отметим, что в ст. 65 Конституции среди «бывших» в качестве лишенцев упоминались лишь священники, служащие и агенты бывшей полиции, а также члены царствовавшего в России дома [13]. Однако в 1926 г. состав «лишенцев» пополнился и другими категориями «бывших», в числе которых оказались также граждане, которые использовали наемный труд или жили на нетрудовые доходы до революции [3, с. 133].

Изменение избирательного законодательства подвело итог успешным карьерам бывших купцов, успевших адаптироваться в советском обществе. Так, закончилось восхождение известного в Томске в дореволюционное время предпринимателя, сына купца 2-й гильдии, С.В. Горохова, который после победы советской власти начал карьеру служащего и занимал видные должности. В 1929 г. его лишили избирательных прав, в 1930 г. вместе с семьей выселили из занимаемой им квартиры «как чуждого государству элемента» [14, с. 71]. В ходатайстве С.В. Горохова об исключении его из списка лиц, лишенных избирательных прав, было отказано, так как «С.В. Горохов – сын весьма крупного коммерсанта и до 1918 г. участник торгового дома, имевшего в селе Бердском одну из крупнейших в Сибири мукомольных паровых мельниц, пароходство, мучную торговлю и домовладения». Кроме того, в деле указывалось, что в 1913–1914 гг. Горохов построил «на свое

имя писчебумажную фабрику» [15, л. 8]. В своем заявлении Горохов, не отрицая участие в торговом доме, организованном его отцом, утверждал, что выполнял строительство фабрики не для себя, а по заказу доверителей, однако самой доверенности предоставить не смог [15, л. 9–9 об.]. Насчёт связи с купеческим сословием Горохов в своем заявлении от 05.12.1934 г. написал: «После смерти отца, умершего ещё 30 лет назад, дело перешло к моей матери, с которой я совершенно порвал всё к 1913 г. и вышел из дела юридически и фактически. С тех пор с матерью не имею никакой связи, ни даже переписки» [15, л. 9].

Еще одним аргументом в пользу восстановления Горохова в избирательных правах было то, что он являлся ценным специалистом. Молодое советское государство нуждалось в высококвалифицированных кадрах, источником пополнения которых были дореволюционные специалисты. К их числу, безусловно, принадлежал Горохов, за первое десятилетие даже успевший поучаствовать в разработке 5-летнего плана [15, л. 10]. В качестве доказательства своей особой ценности как специалиста к заявлению Гороховым была приложена справка с места работы. В ней отмечалось, что данный гражданин является научным сотрудником и ведет ответственную работу по анализу углей и кокса для Сталинского завода, и «всякие помехи со стороны кого-либо могут сорвать дело» [15, л. 11]. Безусловно, у Горохова были аргументы в пользу восстановления его в избирательных правах, ведь еще до революции заявитель дистанцировался от семейного дела и начал карьеру служащего. Но тот факт, что в прежние годы Горохов все-таки жил на нетрудовые доходы и использовал наемный труд, предопределил его судьбу.

Вполне логичной и наиболее универсальной для всех категорий «лишенцев» тактикой поведения было указание продолжительности срока трудовой деятельности в качестве служащего при советской власти. Нередко бывшие купцы, не скрывая своего прошлого, считали этот аргумент вполне достаточным основанием доказательства лояльности советской власти. В 1927 г. (томский историк Н.М. Дмитриенко ошибочно определяет 1929 или 1930 г.) был лишен избирательных прав как бывший купец и домовладелец А.А. Ельдештейн [16, л. 34]. В заявлении Ельдештейн, признавая свое дореволюционное прошлое, отметил: «Нужно учесть и то, что я 15 лет проработал на хозяйственном фронте при советской власти, не занимаясь ни одного дня собственными делами, и не имел и не имею никаких источников нетрудового дохода» [16, л. 34 об.]. Заявитель даже пытался оправдать свою дореволюционную деятельность. Приобретение купеческого свидетельства он объяснял преследованием цели продемонстрировать свою ликвидность [16, л. 5 об.].

В отличие от других категорий «лишенцев» «нетрудовые элементы» были включены в этот список с начала существования в советском законодательстве института лишения избирательных прав. Однако длительное время существовавшие возможности для расширенного толкования норм Конституции предоставляли местным органам право самостоятельно определять, кто из нэпманов будет входить в список «лишенцев». В 1926 г. все сомнения были развеяны. По новой Инструкции лишались избирательных прав

все частные торговцы вне зависимости от разряда патента, который они выбирали [3, с. 133]. Применительно к бывшей деловой элите это касалось той ее части, которая выбрала путь частного заработка в годы нэпа.

Примечательно, что поведенческая тактика представителей нэпмановской и дореволюционной буржуазии имеет отличия. Как утверждает А.П. Килин, абсолютное большинство торговцев ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах «с позиции покаяния, признания своей неправоты, ошибочности своего поведения» [17, с. 74].

В заявлениях бывших купцов обнаруживается иная тактика – несогласие с решением органов. В некоторых случаях заявитель вступает в спор с правоприменителем в вопросе толкования норм избирательного права. Так, лишенный избирательных прав в 1927 г. бывший томский купец Е.А. Осипов в своем ходатайстве написал: «Если мы обратимся к духу, смыслу и цели закона об ограничении в нашей Республике некоторых категорий граждан в избирательных правах, то должны прийти к одному несомненному и бесспорному выводу: законодатель хотел оградить Республику от чуждого пролетариату элемента, законодатель стремился устранить от избирательных прав только врагов пролетариата, но отнюдь в задачи законодателя не входило мстить отдельным лицам только за то, что они по объективным условиям не смогли и не могут заняться общественно полезным трудом» [18, л. 15].

В учетной карточке «лишенца» от 1930 г. гражданин Осипов определялся как торговец посудой по III патенту [18, л. 1]. Рассматривая факт торговли как основание для лишения избирательных прав, бывший купец просто не понимал логику законодателя, который несколькими годами ранее эту деятельность легализовал [18, л. 15–15 об.]. Вообще, необходимо отметить, что поведенческая тактика Осипова является весьма интересной, так как сочетает в себе применение нескольких методов. Например, в том же заявлении гражданин отметил, что ему уже 63 года, он болен и у него «на руках жена-старуха и дочь-инвалидка (безрукая)» [18, л. 15 об.].

«Разжалобить» правоприменителя пытался и бывший томский купец 2-й гильдии Владимир Михайлович Дашевский, пораженный в правах как торговец и владелец шляпной мастерской с одним наемным рабочим: «Живя со дня прихода советской власти на иждивении дела жены я тем самым влачу для себя крайне тяготейшую жизнь, причина которому мое лишение» [19, л. 5]. Другой тактикой Дашевского было игнорирование нежелательных фактов из дореволюционного прошлого (принадлежность к купеческому сословию, предпринимательская деятельность). В качестве своей прошлой занятости он назвал только извоз и службу у купцов Королева, Хотимского и Ерофеева. «Я лично никакой недвижимости в Томске не имел и не имею, наемным трудом никогда не пользовался, живя со дня прихода советской власти на иждивении дела жены», – заявил Дашевский. Жена действительно торговала шляпками по патенту III разряда [19, л. 2]. А вот крестьянское происхождение своего деда, которое, надо сказать, было у многих купцов, бывший купец припомнил [19, л. 5]. Рассматривая заявление Дашевского от

12.07.1930 г., следует признать аккуратность избранной им тактики. И все-таки заметна неосведомленность бывшего купца об актуальных на тот момент изменениях избирательного права: согласно Инструкции от 1925 г. поражению в правах подлежали в том числе и лица, находящиеся на иждивении «лишенцев» [3, с. 131].

Таковую же неосведомленность продемонстрировал в своем заявлении от 1929 г. пораженный в правах как торговец и домовладелец гражданин И.Г. Дистлер, выходец из еврейского купечества, сын томского купца 2-й гильдии К.Б. Дистлера. Гражданин указывал на отсутствие у него предприятия и факта использования наемного труда. Здесь же он написал, что с 1924 г. его жена выбирала патент, предоставляющий ей право пользоваться наемным трудом. Далее заявитель отметил: «Я в это время состоял на службе» [20, л. 2–3]. Безусловно, отказ в восстановлении как в первом, так и во втором случае был очевиден. Но некомпетентные в вопросах избирательного права Дашевский и Дистлер, указывая на бизнес своих жен, тем самым хотели остаться в стороне от применения санкции. Правоприменителю же было очень сложно поверить в то, что эти граждане не принимали никакого участия в деле своих жен.

Таким образом, на основе заявлений советских граждан о восстановлении в избирательных правах были реконструированы наиболее типичные для бывших купцов-«лишенцев» поведенческие практики в борьбе за их гражданские права. В этой связи предлагается классификация тактик поведения по следующим критериям: игнорирование нежелательных фактов из своего дореволюционного прошлого, упоминание заявителем себя как ценного специалиста, сокрытие нетрудовых доходов и фактов использования наемного труда, демонстрация своего тяжелого финансового положения, спор с правоприменителем в вопросе толкования норм права, продолжительный срок трудовой деятельности при советской власти, оправдание нетрудовой деятельности, «неэксплуаторское» происхождение заявителя. Дальнейшей стратегией исследователя является более масштабный отбор дел данной категории «лишенцев» и применение метода контент-анализа по выявленным критериям.

Список литературы:

1. Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 4. С. 483–496.
2. Саламатова М.С. Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России (1918–1936 гг.): эволюция правового регулирования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 12. С. 117–136.
3. Саламатова М.С. Институт лишения избирательных прав в Советской России: от Конституции 1918 года к Конституции 1936 года // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 3. С. 122–140.
4. Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг.: на материалах Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2002. 24 с.
5. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): на материалах Смоленской губернии и Западной области. Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.

6. Ергина Н.М. Лишение избирательных прав в кампании выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–1 (72). С. 84–89.

7. Мавлютова З.Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). С. 52–57.

8. Морозова Н.М. О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918–1936 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 199–205.

9. Москаленская Д.Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 82–86. DOI: 10.17223/15617793/403/14.

10. Климук Я.А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–1 (56). С. 131–135.

11. Карпычева Е.В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: ис-

точниковедческое исследование: 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2009. 22 с.

12. Москаленская Д.Н. Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за восстановление в правах (середина 1920-х – середина 1930-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 8. С. 134–138.

13. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: Постановление 5-го Всероссийского Съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 г. Петроград, 1918. 16 с.

14. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. 336 с.

15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1921.

16. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1991.

17. Килин А.П. Автобиографические сведения в структуре личного дела гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 70–77. DOI: 10.17223/15617793/433/9.

18. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1117.

19. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1953.

20. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 492.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Лягаев Владимир Владимирович , аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории; Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: vlodzimezh.lyagaev@yandex.ru.	Lyagaev Vladimir Vladimirovich , postgraduate student of Domestic and Universal History Department; Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vlodzimezh.lyagaev@yandex.ru.

Для цитирования:

Лягаев В.В. Бывшее купечество Томска в борьбе за избирательные права в период 20-х – 30-х годов XX века: классификация тактик поведения // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 1. С. 180–183. DOI: 10.55355/snv2023121208.